

Откровенный разговор

Стремительно и эффектно начал эстрадную карьеру Филипп Киркоров — в шоу «Рождественские встречи-88» миллионам телезрителей его представила Алла Пугачева. Впрочем, благословения отечественной примадонны недостаточно, чтобы завоевать имя на эстраде. Многочисленные концерты и выступления в эфире, три диска-гиганта в течение двух лет (в продаже — нарасхват), толпы поклонниц (сам видел — у служебного входа престижного концертного зала «Юбилейный» в Ялте) — знак фортуны и закономерный путь к успеху. Сегодня 23-летний поп-музыкант занимает одно из лидирующих мест на нашей эстраде.

Неделя. — 1991. — 14-20 окт. (мгз). — с. 20

■ — Филипп, у вас широкий диапазон: от лирических, романтических песен до лихих, разудалых шлягеров. Какие песни вам ближе по духу?

— Я, наверно, сентиментальный человек, поэтому мне больше нравятся лирические песни, именно в них я могу раскрыть душу. Знаю, что веселые песни — не «мое», и, честно говоря, появились-то они у меня не от хорошей жизни. После Гнесинского училища меня вдруг начали сравнивать с певцом Сергеем Захаровым. Я был в отчаянии, даже хотел сделать пластическую операцию, перекрасить волосы. Из-за этого сходства пришлось резко сменить репертуар, чтобы доказать: с Захаровым я не имею ничего общего! Единственный человек, кто мог меня «поставить на место», — это мама, мой главный советчик.

Вообще довольно долго я искал свой стиль, образ. Если бы вы спросили, какую песню я мечтал исполнить, но так и не спел, — сразу назвал бы «Музыку» Вячеслава Добрынина (ее поют он сам и Маша Распутина). По стилю эта песня напоминает сиртаки, а теплый балканский стиль мне очень близок. Родом я из Болгарии (отец — болгарин); когда мне исполнилось восемь лет, родители переехали в Советский Союз. Каждый год я бываю на родине. Езжу туда не только в гости, но и за песнями. Болгарские композиторы-друзья пишут для меня музыку, которая сочеталась бы с моим «греко-славяно-болгарским» образом, а готовые мелодии я отдаю поэту Леониду Дербеневу (он лучше других чувствует, какие тексты мне нужны); или наоборот — сначала рождаются стихи у Дербенева, а потом болгарский композитор сочиняет музыку. Найти «своего» композитора — колоссальная проблема. Во всяком случае, у меня такого автора в Советском Союзе нет.

— А на какой музыке вы воспитаны? Как возник у вас интерес к профессии?

— Сколько помню себя, всегда хотел петь. Отец — филармонический певец (позже он перешел на эстраду), тетя — оперная певица. Еще до школы я много колесил с родителями по Болгарии — тогда часто устраивались международные концерты «Мелодии друзей»; я слушал из-за кулис выступления артистов и многое впитывал. Конечно, дома звучала классика. Но с не меньшим удовольствием я слушал записи эстрадных звезд прошлых лет: Утесов, Нина Дорда, Тамара Миансарова, Аида Ведичева... Музыка и тексты их песен, возможно, были наивными, но меня буквально завораживало исполнение — предельно искреннее, доверительное. Убежден: не зная прошлого, корней, невозможно сделать что-то свое на эстраде.

— Вы производите впечатление человека, которому все дается легко, без особых усилий. Таков имидж?

— Знаете, в школе, в восьмом классе, я поставил себе задачу: получить золотую медаль (когда узнал, что такие медали и вправду есть). И окончил школу с золотой медалью. Уже в третьем-четвертом классах мне хотелось быть первым, как-то выделяться среди остальных ребят, и у меня всегда были пятерки. Не пото-

ФИЛИПП КИРКОРОВ:

«Я никогда не получал удовольствия от шампанского»

му, что я отличался особым прилежанием. Да, я был интеллигентным мальчиком, не шатался по дворам, не курил в подворотнях — кстати, не курю до сих пор, меня это не прельщает; не пью — потому что мне это не нравится, даже от шампанского никогда не получал удовольствия. Просто у меня есть принципы. Я всегда знал, чего хочу добиться в жизни. Но я не сноб и принимаю недостатки других людей.

— Такому благополучию можно позавидовать! — Да не такой уж я благополучный! После школы, например, хотел поступить в ГИТИС, на факультет музыкального театра и эстрады, — не приняли. Слава Богу, рядом с ГИТИСом находилось музыкальное училище имени Гнесиных, пошел туда с отчаяния и сразу поступил. Не жалею об этом. В училище была хорошая вокальная подготовка. Я много пел классических арий. Особенно любил Моцарта. Классика помогла крепко «поставить» голос, и сегодня я пою без фонограммы сольный концерт.

Неудачи преследовали на конкурсных состязаниях. Скажем, в ялтинском конкурсе на лучшее исполнение песен стран социализма я выиграл, со своими музыкантами, первый тур, а дальше надо было петь под оркестр, и в этом оркестре я затерялся — перенервничал, наверно, и вышел в аутсайдеры. Из пяти конкурсов, в которых я участвовал, лишь последний, прошлогодний в Ленинграде, принес «Гран при».

— Успех, популярность как-то изменили ваш характер?

— Нет, не изменили. Я был к этому готов. Мне нравится быть популярным, это одна из причин, почему я хотел стать певцом. Правда, пришлось походить в терновом венке. Много выступал по селам, деревням, фактически за гроши, чтобы хоть как-то прокормить себя. Никогда не зависел от родителей — не хотел зависеть... Популярность имеет и обратную сторону. Недавно надо было лететь в гастроли. Я сильно простудился. Мой директор пошел договариваться к начальнику аэропорта, чтобы меня пропустили через зал «Интурист». Начальник процедил сквозь зубы: «Киркоров? Ну и что? Пойдет, как все, через накопитель!»

Или, бывает, зайдешь поздно вечером, усталый после концерта, в ресторан — хоть что-нибудь перекусить, а в ответ: ничего, помахал ногами, голодным уснешь! И чувствуешь себя абсолютно беззащитным. Неужели то, что тебя узнают, дает людям право нахамить, обидеть? Такие инциденты переживаю остро.

— Бесконечные аэропорты, гостиницы, местные рестораны... Кочевая жизнь не утомляет?

— Нет. Жизнь артиста — гастроли. Я влюблен в эстраду, и фактически те два часа, когда у меня концерт, по-настоящему живу.

— Остаются ли время на друзей, личную жизнь?

— Друзья — музыканты, с которыми провожу все время на гастролях. Стерегаюсь внешних знакомств. Не из-за того, что боюсь чего-то, просто замыкаюсь в себе, если в компании появляется кто-то новый. Когда посторонних нет, лучшего «компаньона», чем я, не найти!

— Вы поете о любви. А самому пришлось пережить это чувство?

— Думаю, невозможно написать мелодию или стихотворение, невозможно спеть песню, если ты сам не испытал любви. Любовь может пройти, но воспоминание о ней остается — в тех же песнях. У меня все было — и любовь, и потеря, даже смерть близкого человека. То, что я пережил, пытаюсь выразить в своих песнях.

— Филипп, ну а как насчет общественной жизни? Вряд ли можно сейчас быть в стороне от политики, социальных катаклизмов.

— У меня нет социальных песен, я никогда не был «поющей газетой». В роковой день 19 августа впервые почувствовал себя патриотом. Предстоял последний концерт в Ялте. Я, как и большинство, находился в подавленном состоянии: неужели опять сталинские времена? Не мог, как обычно, начать концерт с шуточной песни «Такой-сякой». Перед концертом вышел к зрителям и сказал: конечно, всем нам тяжело сейчас, но что бы ни случилось, мы, служители муз, будем с вами! А потом исполнил свою любимую песню «Бокал вина», песню Высоцкого, которую не пел в концертах.

Если б в то время я находился в Москве, обязательно пошел бы к Белому дому. Но в Луганской области ждали с концертами шахтеры, и я не мог их подвести. В городе Стаханове после концерта генеральный директор шахты Юрий Яковлевич Иоффе предложил спуститься в шахту — ту самую, где Владимир Молчанов снял фильм «Забой» (грандиозная картина!).

На меня надели 20 килограммов снаряжения, мы спустились на глубину 100 метров; в лаве я прополз 175 метров на коленях; вышел оттуда черным. Шахтерский труд, наверно, самый тяжелый. Я был потрясен, когда увидел, в каких условиях работают и живут шахтеры. Их зарплата — 800—1000 рублей в месяц — раньше считалась вполне пристойной, а сейчас это мизер по сравнению с окладом в полторы тысячи, который получает секретарша в кооперативе!..

— На эстраде мало ярких индивидуальностей. Даже столь модный телевизионный конкурс, переживавший из Юрмалы в Ялту, почти не приносит открытий. И дело тут, вероятно, не только в таланте. Чтобы пробиться сегодня на сцену, начинающему певцу нужен опытный менеджер; подтверждение тому — забота, которую проявила по отношению к вам Алла Пугачева. Чему вы научились у Пугачевой?

— Алла Борисовна помогла мне найти сценический облик, свой имидж, фактически — обрести самого себя. За два года работы в Театре Пугачевой я почувствовал, что правильно выбрал профессию. Я «рвал» материал зубами. Пересмотрел не менее ста концертов Аллы Борисовны — ловил каждое ее слово, каждый взгляд, жест. У нас бывали и споры. В принципе Пугачева всегда оказывалась права — я избежал бы многих ошибок, если б чаще прислушивался к ней. Алла Борисовна — идеальный менеджер. Она знает, как «подать» певца.

— А почему вы ушли из ее театра?

— Театр Пугачевой — для начинающих. Она помогла мне встать на ноги, окрепнуть. В ее концертах я пел всего три песни, и, естественно, в какой-то момент мне захотелось организовать свою программу, принадлежать себе. Страшно нервничал, когда ехал на свой первый сольный концерт в Пермь. Но увидел полный зал, и сразу полегчало...

— На ялтинском концерте у меня было ощущение, что планка, которую вы берете, ниже ватных возможностей — и в песнях, и в хореографии, и в общей срежессированности концерта. Может, сейчас вам нужна «новая Пугачева»?

— Новая Пугачева, думаю, не нужна — благодаря Алле Борисовне у меня появилась хорошая база. Я работал с режиссерами, балетмейстерами, но то, что предлагали они, не отвечало моим требованиям. Поэтому я вынужден сам быть режиссером, ставить танцы себе и своим танцорам. У меня есть идеи, и я надеюсь воплотить их в сольный шоу-программе в спорт-комплексе «Олимпийский» в марте будущего года. Я не собираюсь менять имидж, поскольку не до конца его раскрыл. Своими новыми песнями, концертами хочу доказать зрителям, что способен я на многое!

Вадим ВЕРНИК.